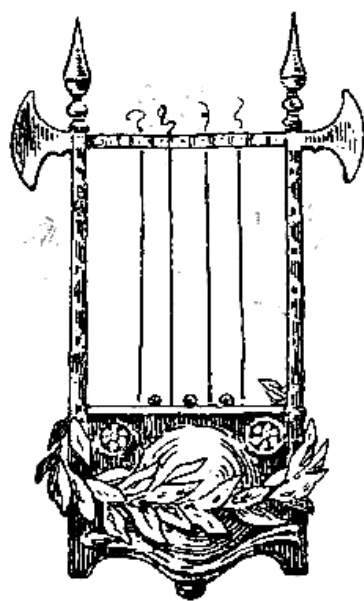

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

Объ А. П. Чеховъ.

М. Чеховъ.

Объ А. П. Чеховъ.

Въ жизни Антона Павловича Чехова были три эпохи, которыя отразились на всемъ его творествѣ. Онъ и самъ признавалъ это. Это были: поѣздки къ нѣкому Ивану Парфентьевичу въ усадьбу и къ его племяннику Кравцову на далекій хуторъ въ донскихъ степяхъ, когда еще А. П. былъ гимназистомъ; затѣмъ—г. Воскресенскъ и усадьба Бабкино Московской губ., гдѣ А. П. провелъ четыре лѣта тотчасъ по окончаніи курса университета, и, наконецъ, Мелихово, гдѣ онъ былъ уже землевладѣльцемъ. О первой эпохѣ я не знаю ничего, кромѣ того развѣ, что А. П. рассказывалъ мнѣ самъ. Благодаря впечатлѣніямъ именно этой эпохи, были написаны имъ: „Степь“, „На пути“, „Жалобная книга“. Я помню, какъ онъ со смѣхомъ рассказывалъ о такой книгѣ гдѣ-то на станціи донецкой дороги. Въ поѣздкѣ къ Кравцову А. П. бывалъ на каменно-угольныхъ копяхъ и тамъ же слышалъ звукъ сорвавшейся бадьи, о которомъ упоминается въ „Счастьи“ и въ „Вишневомъ саду“. Донецкая дорога тогда еще только

строилась, и здѣсь ему пришлось наблюдать постройку желѣзнодорожной насыпи, которую онъ описалъ въ „Огняхъ“. Тутъ же напугалъ брата оторвавшійся отъ поѣзда товарный вагонъ, о которомъ говорится въ рассказѣ „Страхи“.

Окончивъ курсъ гимназіи, А. П. пріѣхалъ въ Москву въ университетъ и поселился вмѣстѣ съ семьей, которая переселилась изъ Таганрога еще раньше. Я тогда былъ гимназистомъ. Мы жили очень бѣдно, и приходилось всѣмъ намъ, братьямъ, искать заработковъ. Я переписывалъ лекціи, братъ Иванъ Павловичъ, 18-ти лѣтнимъ юношей, держалъ экзаменъ на народнаго учителя и въ 1880 г. былъ назначенъ въ приходское училище въ Воскресенскъ (Новый Іерусалимъ), куда и уѣхалъ; а А. П. послалъ въ „Стрекозу“ свой первый рассказъ „Письмо къ ученому сосѣду“, съ котораго и началась его литературная дѣятельность. Вскорѣ затѣмъ онъ сталъ работать и въ другихъ московскихъ изданіяхъ, и на пространствѣ 2—3 лѣтъ, помнится, написалъ цѣлые романы: „Ненужная побѣда“ (въ „Будильникѣ“), „Цвѣты запоздалые“ (въ „Свѣтѣ и Тѣняхъ“) и „Золотая коса“ (въ „Москвѣ“). Романы эти въ его сборники не вошли вовсе.

Каждое лѣто наша семья выѣзжала къ брату Ивану Павловичу въ Воскресенскъ, а А. П. оставался въ Москвѣ писать. Послѣ тяжелой работы ему волей-неволей приходилось съ покойнымъ братомъ Николаемъ развлекаться въ Сокольникахъ, въ Богородскомъ и вообще въ тѣхъ дачныхъ выселкахъ, которые съ такимъ юморомъ описаны имъ во многихъ его рассказахъ („Дачники“, „Лишніе люди“ и др.). Въ 1884 году А. П. окончилъ курсъ университета и переехалъ на лѣто къ намъ въ Воскресенскъ.

Тогда это былъ маленькій городишко, скорѣе похожій на небольшое село, съ одною только церковью. Управлялся онъ полицейскимъ надзирателемъ, котораго звали „гѣродничимъ“, и вообще жить въ немъ было дешево и пріятно, такъ какъ окрестности его прекрасны. Къ

тому же общество было интересное и дружное. Между прочимъ, въ Воскресенскѣ проживалъ тогда П. Д. Голохвастовъ, извѣстный своими работами по предполагавшемуся въ началѣ 80-хъ годовъ созыву Земскаго собора. Жена его Ольга Андреевна была литераторшей, писала комедіи и драмы. Въ городѣ стояла батарея, которой командовалъ симпатичнѣйшій полковникъ Б. И. Маевскій. Было нѣсколько офицеровъ и батарейныхъ дамъ. Приѣхавъ въ Воскресенскъ, А. П. засталъ у семьи Чеховыхъ уже порядочный кругъ знакомыхъ. Каждый вечеръ всѣ вмѣстѣ играли въ крокетъ и совершали далекія прогулки. Центромъ была семья Маевскихъ. У нихъ были дѣти: Аня, Соня и Алеша, которыхъ очень полюбилъ А. П., часто возился съ ними, говорилъ глупости и описалъ ихъ въ „Дѣтворѣ“. Батарея эта дала А. П.-чу его свѣдѣнія по военной части („Поцѣлуй“, „Три сестры“). Я слышалъ отъ брата Ивана Павловича, что почти передъ самой постановкой „Трехъ сестеръ“ А. П. очень хотѣлъ повидаться (а можетъ быть, и повидался) съ бывшимъ тогда въ отставкѣ полковникомъ Маевскимъ, чтобы поговорить съ нимъ о военной части въ „Трехъ сестрахъ“.

Въ двухъ верстахъ отъ Воскресенска была Чикинская земская больница, которой завѣдывалъ извѣстный тогда земскій врачъ П. А. Архангельскій. Къ нему съѣзжались на практику многіе студенты-медики и молодые врачи. Окончивъ курсъ въ университетѣ, А. П. на первыхъ порахъ хотѣлъ было заняться врачебной практикой и даже повѣсилъ вывѣску на дверяхъ: „Докторъ А. П. Чеховъ“ и подавалъ прошеніе въ Московскую дѣтскую больницу, куда хотѣлъ опредѣлиться на службу. Скоро онъ близко сошелся съ П. А. Архангельскимъ, часто принималъ у него больныхъ и вообще любилъ бывать въ Чикинѣ. Больница эта дала ему темы для многихъ его рассказовъ („Хирургія“, „Пашка“, „Горе“, „Бѣглець“). Въ Чикинскую больницу къ Архангельскому наѣзжалъ также и врачъ Звенигородской земской больницы С. П. Успен-

скій, молодой человѣкъ изъ семинаристовъ, говорившій на „о“ и со всѣми обращавшійся на „ты“.

— Послушай, Антонъ Павловъ, обратился онъ къ писателю,—я, братъ, поѣду въ отпускъ, а замѣнить меня некому... Послужи, братъ, ты за меня. Моя Пелагея будетъ тебя кормить. И гитара есть...

А. П. подумалъ, согласился и, взявъ меня съ собой, переѣхалъ въ Звенигородъ. Это жалкій городишко, въ которомъ находится административный центръ уѣзда. Всѣ правительственныя учрежденія помѣщались тамъ въ то время въ одномъ желтомъ домѣ на горѣ, въ томъ самомъ, про который въ одномъ изъ своихъ рассказовъ А. П. написалъ: „Здѣсь и юстиція, здѣсь и полиція, здѣсь и милиція—совсѣмъ институтъ благородныхъ дѣвицъ“. Завѣдуя Звенигородской земскою больницей, А. П. ѣздилъ по обязанности на вскрытія и близко ознакомился со всѣмъ укладомъ уѣздной чиновничьей жизни. Уѣздные сѣзды мировыхъ судей, судебныя слѣдствія, поѣздки на вскрытія, — все это въ рассказахъ А. П-ча навѣяно ему Звенигородомъ. Еще раньше, у Маевскихъ въ Воскресенскѣ, мы познакомились съ мѣстнымъ непремѣннымъ членомъ А. С. Киселевымъ. И теперь, когда мы съ братомъ ходили на сессіи въ уѣздный сѣздъ, на который въ качествѣ члена пріѣхалъ и Киселевъ, то милый непремѣнный членъ во время разбирательства дѣлалъ намъ глазки.

А. С. Киселевъ жилъ въ 5 верстахъ отъ Воскресенска, въ своей усадьбѣ Бабкино, а самый Воскресенскъ отстоялъ отъ Звенигорода на 21 в. Племянникъ знаменитаго молдавскаго господаря и парижскаго посланника, графа П. Д. Киселева, Алексѣй Сергѣевичъ Киселевъ былъ женатъ на Маріи Владиміровнѣ Бегичевой, дочери В. П. Бегичева, извѣстнаго красавца и директора императорскихъ театровъ, описаннаго Марквичемъ въ его романѣ „Четверть вѣка назадъ“. Самъ Владиміръ Петровичъ былъ въ это время въ отставкѣ и жилъ у своего зятя въ Бабкинѣ. Это былъ предобрѣйшій и преинтереснѣйшій человѣкъ, послу-

жившій А. П-чу оригиналомъ для графа Шабельскаго („Ивановъ“) и Гаева („Вишневый садъ“). Въ большомъ Бабкинскомъ домѣ онъ занималъ маленькую комнатку, обставленную по-женски, съ окнами, выходящими на рѣку и лѣсъ. Видъ изъ этихъ оконъ былъ нарисованъ художникомъ И. Левитаномъ и составилъ одну изъ лучшихъ его картинъ.

До 1885 г. мы бывали у Киселева въ Бабкинѣ только гостями, а съ этого года уже три лѣта подъ рядъ прожили въ самомъ Бабкинѣ на дачѣ, куда насъ пригласили сами Киселевы. Семья Киселевыхъ была одной изъ тѣхъ рѣдкихъ семей, въ которыхъ были еще живы сословныя традиціи и которыя въ то же время во всей округѣ были носителями культуры. Мы, братья Чеховы, цѣлыми часами засиживались въ комнатѣ у В. П. Бегичева, и онъ рассказывалъ намъ свои походы въ Россіи и заграницей. Ахъ, какой это былъ увлекательный человѣкъ! Съ какимъ юморомъ, я помню, онъ рассказывалъ одинъ изъ эпизодовъ, описанный А. П. въ рассказѣ „Володя“ (трагическій конецъ придѣланъ самимъ А. П-чемъ), и случай съ чихнувшимъ чиновникомъ, воспроизведенный братомъ въ рассказѣ „Смерть чиновника“. Марія Владиміровна, близко знавшая Даргомыжскаго, Чайковскаго, Сальвини,—рассказывала намъ о нихъ. Наѣзжавшій бывшій теноръ оперы М. П. Владиславлевъ (давшій славу извѣстному романсу „На горѣ, за рѣкой хуторочекъ стоитъ“), несмотря на старость, все еще пѣлъ романсы и выдерживалъ *fermato* по полторы минуты. Красивыя дѣти, Саша (дѣвочка) и Сережа, бѣгавшія по превосходному саду, въ которомъ, несмотря на близость людей и собакъ, безбоязненно днемъ и ночью пѣли соловьи, — дополняли картину земного счастья. Недалеко, по ту сторону рѣки, въ деревнѣ Максимовкѣ жилъ художникъ И. И. Левитанъ, хорошій другъ Антона П-ча. Было чрезвычайно интересно. Здѣсь, въ Бабкинѣ, случился „Налимъ“. Я какъ сейчасъ вижу и купальню. и мужиковъ, и пастуха.

Просыпались счѣнь рано. Часовъ въ семь утра А. П. уже сидѣлъ у себя за столикомъ и писалъ. Писалъ онъ тогда въ „Осколки“ и въ „Петербургскую Газету“, и во всѣхъ почти рассказахъ того времени можно увидѣть ту или иную картину Бабкина, то или иное лицо изъ Бабкинскихъ обывателей или изъ обывателей тяготѣвшихъ въ Бабкину деревень. Обѣдали въ часъ. Послѣ обѣда всей компаніей шли по грибы въ Дарагановскій лѣсъ. А. П. былъ страстнымъ любителемъ искать грибы и во время ходьбы по лѣсу легче придумывалъ темы. Близъ Дарагановскаго лѣса стояла одинокая полевщинская церковь, всегда обращавшая на себя вниманіе покойнаго брата. Въ ней служили всегда только одинъ разъ въ годъ, на Казанскую, и по ночамъ до Бабкина долетали только унылые удары колокола, когда сторожъ звонилъ часы. Эта церковь, съ ея домикомъ для сторожа у почтовой дороги, кажется, дала брату мысль написать „Вѣдьму“ и „Недоброе дѣло“. Возвратившись изъ лѣсу, пили чай. Затѣмъ А. П. опять писалъ или игралъ въ крокетъ, а въ 8 час. ужинали. Послѣ ужина шли въ большой домъ къ Киселевымъ. Это были превосходные вечера. А. С. Киселевъ и В. П. Бегичевъ сидѣли у стола и раскладывали пасьянсы, гувернантка Елизавета Александровна аккомпанировала, теноръ Владиславлевъ пѣлъ, а мы всѣ, Чеховы, усаживались вокругъ Маріи Владиміровны и слушали ея рассказы о заграницѣ, о Чайковскомъ, Даргомыжскомъ, Сальвини. Бѣгали дѣти. Съ надворья доносилось или пѣніе соловьевъ, или же стукъ дождевыхъ капель о стекла. Пѣла и Марія Владиміровна. Я положительно могу утверждать, что любовь къ музыкѣ развилась у брата, А. П., именно здѣсь. Братъ шутилъ, былъ всегда веселъ, говорилъ глупости. Левитанъ рисовалъ въ альбомѣ крымскіе виды, а А. П. дѣлалъ подъ его рисунками подписи слѣдующаго содержанія: „Видъ кипариса передъ вами, Василиса“. Василисой онъ называлъ дѣвочку Сашу Киселеву. Дѣти называли А. П.-ча Васей. Когда разъ

А. П. поймалъ карася, дѣвочка сказала ему въ отместку: „Вася поймалъ карася“. Въ эти вечера много говорилось о литературѣ, художествѣ, смаковали Тургенева, Писемскаго. Щедринъ не сходилъ съ устъ. Много читали. Получались всѣ толстые журналы.

Замѣчательно, что и И. И. Левитанъ, создатель школы русскаго пейзажа, началъ тоже съ Бабкина, куда вскорѣ же переселился изъ Максимовки.

Благодаря жизнерадостности и природы и милыхъ обитателей, А. П. и самъ былъ жизнерадостенъ. Онъ писалъ, критика его хвалила, сулила ему хорошее будущее, онъ былъ здоровъ. Иногда онъ дурился. Бывало, въ лѣтніе вечера онъ надѣвалъ съ Левитаномъ бухарскіе халаты, мазалъ себѣ лицо сажей и въ чалмѣ, съ ружьемъ, выходилъ въ поле по ту сторону рѣки. Левитанъ выѣзжалъ туда же на ослѣ, слѣзалъ на землю, разстилалъ коверъ и, какъ мусульманинъ, начиналъ молиться на востокъ. Вдругъ изъ-за кустовъ къ нему подкрадывался бедуинъ-Антонъ Павл. и палилъ въ него изъ ружья холостымъ зарядомъ. Левитанъ падалъ навзничъ. Получалась совсѣмъ восточная картина... А то, бывало, судили Левитана. Киселевъ былъ предсѣдателемъ суда, Антонъ Павл. — прокуроромъ, спеціально для чего гримировался. Оба были въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ. Братъ говорилъ обвинительную рѣчь, отъ которой всѣ умирали отъ хохота. Гостившій тогда у насъ старшій братъ, Александръ П. защищалъ. Были и присяжные и стража. Антонъ Павл. всегда былъ весельчакомъ и большимъ юмористомъ.

Въ Бабкинѣ мы прожили три лѣта подъ рядъ, пріѣзжали туда и зимою. А 1887-й годъ былъ для А. П.-ча роковымъ. Вотъ что писалъ онъ тогда къ брату Николаю:

...„Кто мнитъ себя виноватымъ, тотъ всегда ищетъ себѣ оправданія извнѣ: пьяница ссылается на горе, П.—на цензуру. Брось я сейчасъ семью на произволь судьбы, я старался бы найти себѣ извиненіе въ кровохарканіи“.

Слѣдовательно, чахоткою А. П. захворалъ уже въ 1887 году, вскорѣ по возвращеніи изъ Бабкина въ Москву. Къ тому же тогда онъ очень плохо спалъ, спалъ тревожно, скрежеталъ зубами, видѣлъ тяжкіе сны. Среди сна его что-то, какъ онъ говорилъ, „дергало“, внутри его что-то съ болью обрывалось, и онъ буквально на полъ-аршина подскакивалъ всѣмъ тѣломъ надъ кроватью и въ ужасѣ пробуждался. Впослѣдствіи, чтобы только заснуть, онъ выпивалъ на ночь по бутылкѣ подчасъ дрянного, деревенскаго, кабацкаго пива. Сны ему снились страшные. Одинъ разъ, уже въ Мелиховѣ, его испугалъ во снѣ черный монахъ, который послужилъ потомъ темой для разсказа того же названія.

У меня сохранился черновикъ письма А. П-ча къ Григоровичу. Вотъ что пишетъ онъ въ немъ о своихъ снахъ:

„Когда ночью спадаетъ съ меня одѣяло, я начинаю видѣть во снѣ громадныя склизкіе камни, холодную осеннюю воду, голые берега,—все это нѣясно, въ туманѣ, безъ клочка голубого неба; въ уныніи и въ тоскѣ, точно заблудившійся, я гляжу на камни и чувствую почему-то неизбежность перехода черезъ глубокую рѣку; вижу я въ это время маленькіе буксирные пароходики, которые тащатъ громадныя барки, плавающія бревна... Все въ безконечности сурово, уныло, сыро. Когда же я бѣгу отъ рѣки, то встрѣчаю на пути обвалившіяся ворота кладбища, похороны, своихъ гимназическихъ учителей, И въ это время весь я проникнутъ тѣмъ тяжелымъ, кошмарнымъ холодомъ, какой невыносимъ наяву и ощущается только спящимъ... Мнѣ кажется, что родился и живи я постоянно въ Петербургѣ, мнѣ снились бы непременно берега Невы, Сенатская площадь, массивные фундаменты“.

Тогда же начался въ литературѣ брата переломъ. Начался онъ съ „Панихиды“, впервые напечатанной въ „Новомъ Времени“, и затѣмъ уже во всѣхъ его послѣдующихъ разсказахъ стала звучать грустная нотка.

О сотрудничествѣ въ „Осколкахъ“ онъ уже не думалъ: въ „Новомъ Времени“ для него открылись спеціальныя „субботники“, да и года, повидимому, стали брать свое. Онъ сильно сталъ кашлять по ночамъ. Сталъ серьезенъ, разсудителенъ, сталъ рѣже шутить, говорить глупости. Затѣянный имъ костюмированный вечеръ, когда мы жили на Якиманкѣ, былъ послѣднимъ, когда онъ гримировался. Именно къ этому времени принадлежитъ его письмо къ покойному брату Николаю о личной порядочности. Вотъ его содержаніе:

„Воспитанные люди, по моему мнѣнію, должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) Они уважаютъ человѣческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вѣжливы; уступчивы... Живя съ кѣмъ-нибудь, они не дѣлаютъ изъ этого одолженія, а уходя не говорятъ: „Съ вами жить нельзя!“ Они прощаютъ и шумъ, и холодъ, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствіе въ ихъ жильѣ постороннихъ...

2) Они сострадательны не къ однимъ только нищимъ и кошкамъ. Они болѣютъ душой и отъ того, чего не увидишь простымъ глазомъ. Они ночей не спятъ, чтобы помогать П., платить за братьевъ-студентовъ, одѣвать мать...

3) Они уважаютъ чужую собственность, а потому и платятъ долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, какъ огня. Не лгутъ они даже въ пустякахъ. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляетъ въ его глазахъ говорящаго. Они не рисуются, держатъ себя на улицѣ такъ же, какъ дома, не пускаютъ пыли въ глаза меньшей братіи... Они не болтливы и не лѣзутъ съ откровенностями, когда ихъ не спрашиваютъ... Изъ уваженія къ чужимъ ушамъ, они чаще молчатъ...

5) Они не уничижаютъ себя съ тою цѣлью, чтобы вызвать въ другомъ сочувствіе. Они не играютъ на струнахъ чужихъ душъ, чтобъ въ отвѣтъ имъ вздыхали и нянчились съ ними. Они не говорятъ: „Меня

не понимаютъ!“ или: „Я размѣнялся на мелкую монету!“ потому что все это бьетъ на дешевый эффектъ, пошло, старо, фальшиво.

6) Они не суетны. Ихъ не занимаютъ такіе фальшивые брилліанты, какъ знакомство съ знаменитостями, рукопожатіе пьянаго П., восторгъ встрѣчнаго въ *salon* ѣ, извѣстность по портернымъ. Они смѣются надъ фразой: „Я представитель печати!!“ Дѣлая на грошъ, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастаютъ тѣмъ, что ихъ пустили туда, куда другихъ не пустили... Истинные таланты всегда сидятъ въ потемкахъ, въ толпѣ, подальше отъ выставки... Даже Крыловъ сказалъ, что пустую бочку слышнѣе, чѣмъ полную.

7) Если они имѣютъ въ себѣ талантъ, то уважаютъ его. Они жертвуютъ для него покоемъ, женщинами, виномъ, суетой... Они горды своимъ талантомъ, сознавая, что они призваны воспитывающе вліять. Къ тому же они брезгливы.

8) Они воспитываютъ въ себѣ эстетику. Они не могутъ уснуть въ одежѣ, видѣтъ на стѣнѣ щели съ клопами, дышать дряннымъ воздухомъ, шагать по оплеванному полу, питаться изъ керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинктъ... Имъ нужны отъ женщины не постель, не лошадиный потъ, не умъ, выражающійся въ умѣньи лгать безъ усталости... Имъ, особливо художникамъ, нужны свѣжесть, изящество, человѣчность, способность быть матерью. Они не трескаютъ походя водку, не нюхаютъ шкафовъ, ибо они знаютъ, что они не свиньи. Пьютъ они только, когда свободны, при случаѣ... Ибо имъ нужна *mens sana in corpore sano*.

„И т. д. Таковы воспитанные. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, въ которую попалъ, недостаточно прочесть только „Пикквика“ и вызубрить монологъ изъ „Фауста“... Тутъ нужны непрерывный дневной и ночной трудъ, вѣчное чтеніе, штудировка, воля... Тутъ дорогъ каждый часъ...“

Годъ спустя, у А. П—ча начинается какая-то лихорадочная дѣятельность. Точно онъ хочетъ что-то навестать. Онъ много пишетъ, въ 1888 г. ѣдетъ въ Крымъ, въ Святія Горы („Святою ночью“ и „Перекати поле“), затѣмъ въ Абхазію, въ Тифлисъ, за границу. Въ 1890 г. отправляется на Сахалинъ; едва только возвращается оттуда черезъ Индію, какъ вскорѣ же уѣзжаетъ въ Ниццу. Я убѣжденъ, что на этотъ разъ онъ уѣхалъ въ Ниццу именно отъ чахотки.

Интересно его письмо съ Кавказа отъ 28 іюля 1888 года.

„Паршивенькій грузовой пароходъ Диръ мчится на всѣхъ парахъ (8 узловъ въ часъ) отъ Сухума до Поті. Двѣнадцатый часъ ночи. Въ маленькой каюткѣ, единственной на пароходѣ и похожей на в.-к., нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ. Слышно, какъ работаетъ машина: „бумъ, бумъ, бумъ“... Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила... Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается... Все вниманіе желудка устремлено на кровать, и онъ, словно нивелируя, то подкатываетъ выпитую сельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ... Чтобы не облевать въ потемкахъ одежды, быстро одѣваюсь и выхожу. Темно... Ноги мои спотыкаются о какія-то невидимыя желѣзныя шпалы, о канатъ; куда ни ступнешь, всюду бочки, мѣшки, тряпье... Подъ подошвами угольный мусоръ... Наталкиваюсь въ потемкахъ на что-то рѣшотчатое: это клѣтка съ козулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ... Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ... Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку... Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку... Качается... Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ; стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется. Море и небо

темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ... Ни огонька.

„Сзади меня окно. Гляжу въ него и вижу человека съ лицомъ Павла Михайловича. Онъ внимательно глядитъ на что-то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію... Рядомъ со мной стоитъ маленькій, толстенный капитанъ въ желтыхъ башмакахъ. Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ буряхъ и въ то же время напряженно вглядывается въ темную даль и въ сторону берега...

— А ты, кажется, опять забираешь влѣво! говоритъ онъ между прочимъ кому-то; или: — Тутъ должны быть видны огоньки... Видишь?

— Никакъ нѣтъ! отвѣчаетъ кто-то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

„Темная фигура вырастаетъ на рубкѣ и не спѣшалазетъ куда-то вверхъ. Черезъ минуту слышно:

— Есть!

„Всматриваюсь влѣво, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу... Проходитъ полчаса, часъ... Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку... Тошноты нѣтъ, но жутко...

„Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами: „Черрртова кукла!“ бѣжитъ куда-то назадъ.

— Влѣво! кричитъ онъ съ тревогой во все горло. — Влѣво... вправо! Аря... ва... а-а!..

„Слышится непонятная команда; пароходъ вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... „Ава-а-ва!“ кричитъ капитанъ. У самого носа звонятъ въ колоколь, на черной палубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики... Диръ еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пыхтитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ.

— Что такое? спрашиваю я и чувствую что-то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочетъ, черртова кукла! слышится рѣзкій крикъ капитана.

— Влѣ-ѣ-ва-а!

„У носа показываются какіе-то красные огни и вдругъ раздается среди шума свистъ не Дира, а какого-то другого парохода... Теперь понятно: мы столкнемся! Диръ пыхтитъ, дрожить и какъ будто не движется, ожидая, когда ему итти ко дну... (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полуминуты, но доставившее мнѣ немало мученій... Полминуты я былъ убѣжденъ въ томъ, что я погубилъ пароходъ. О недоразумѣніи расскажу при свиданіи, писать же о немъ длинно, нѣтъ мочи).

„Но вотъ, когда по моему мнѣнію все уже погибло, слѣва показываются красные огни и начинаетъ вырисовываться силуэтъ парохода... Длинное, черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ.

— Уфъ! Какой это пароходъ? спрашиваю я капитана.

„Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говорить:

— Это Твиди.

„Послѣ нѣкотораго молчанія заводимъ рѣчи о Вестѣ, которая столкнулась съ двумя пароходами и погибла. Подъ вліяніемъ этого разговора море, ночь, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на погибель человѣка, и глядя на толстенькаго капитана, я чувствую жалость... Мнѣ что-то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой...

„Иду къ себѣ въ каютку... Душно и воняетъ кухней. Раздѣваюсь донага и ложусь... Темнота колеблется, кровать словно дышитъ... Бумъ, бумъ, бумъ!.. Обливаясь потомъ, задыхаясь и чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя: „Зачѣмъ я здѣсь?“

„Просыпаюсь... Уже не темно... Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу... Все покрыто росой... Козули глядятъ по-человѣчески

сквозь рѣшетку и, кажется, хотять спросить: „Зачѣмъ мы здѣсь?“ Капитанъ по прежнему стоитъ неподвижно и всматривается въ даль.

„Налѣво тянется гористый берегъ... Виденъ Эльбурсъ изъ-за горъ. Восходитъ мутное солнце... Видна зеленая Ріонская долина, а возлѣ нея Потійская бухта“...

По возвращеніи братъ рассказывалъ мнѣ, почему именно онъ считалъ себя причиной возможнаго столкновенія Дира и Твиди. Въ суматохѣ, во время качки, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и, чтобы не упасть, ухватился за что-то, что тоже подалось въ сторону. Это оказался телеграфъ въ машину. Братъ хотѣлъ поставить его на прежнее мѣсто, но не сумѣлъ. Предсказаніе брата относительно капитана оправдалось отчасти: въ ту же осень Диръ погибъ у береговъ Алушки.

Лѣто 1888 и 89 гг. братъ провелъ на дачѣ въ Харьковской губ., въ усадьбѣ Лука Сумского уѣзда; но, сколько знаю, въ исторіи его творчества усадьба эта не играла особой роли. Я не могу указать ни одного мѣста въ его рассказахъ, гдѣ бы можно было узнать Луку. Сюда пріѣзжали къ намъ гостить А. Н. Плещеевъ, П. М. Свободинъ, А. С. Суворинъ и К. С. Баранцевичъ. Ловили раковъ, рыбу, слушали дуэты віолончели и рояля, но уже не было того розмаха молодости, той жизнерадостности, которыми сопровождалась жизнь въ Бабкинѣ. Къ тому же здѣсь мы похоронили нашего брата Николая, умершаго отъ чахотки... Послѣ похоронъ ѣздили въ Ахтырку и въ Сорочинцы Полтавской губ.; но и эти чудесныя поѣздки не оставили слѣда въ произведеніяхъ брата. Малороссію онъ любилъ лишь платонически.

Затѣмъ А. П. уѣхалъ на Сахалинъ. Собрался онъ туда какъ то сразу, вдругъ. Тогда я кончалъ курсъ въ университетѣ и подъ впечатлѣніемъ моихъ лекцій (я — юристъ) онъ сразу засуматошился, засбирался. Начались подготовительныя работы къ поѣздкѣ. Онъ

собиралъ матеріалы. Знакомыя барышни дѣлали для него выписки въ Румянцевской бібліотекѣ, онъ доставалъ откуда-то фоліанты о Сахалинѣ. Работа кипѣла. Въ апрѣлѣ 1900 г. братъ двинулся въ далекій путь. Желѣзной дороги тогда еще не было, приходилось ѣхать рѣками и на тарантасѣ, а затѣмъ возвращаться черезъ Индійскій океанъ. Эта поѣздка дала ему „Въ ссылкѣ“ и „Гусева“. Своему же „Острову Сахалину“ онъ придавалъ серьезное значеніе. Это я вывожу изъ его фразы, съ которой онъ разъ обратился ко мнѣ:

— А что, Миша, если за эту штуку да мнѣ дадутъ степень доктора медицины, *honoris causa*, а?

Но этой степени ему не дали. Вѣроятно, не догадались.

Лѣто 1891 г. братъ провелъ въ усадьбѣ Богимово Калужской губ. Здѣсь мы снимали домъ еще екатерининскихъ временъ, гдѣ, чтобы перейти черезъ залу, наша мать присаживалась на полпути отдохнуть. Такъ велики были комнаты. Брату здѣсь очень нравилось. Изъ оконъ дома открывался великолѣпный видъ на усадьбу Даньково, которую, помню, брату очень хотѣлось купить. Этотъ домъ и усадьба Даньково (но не лица въ нихъ) описаны въ рассказѣ „Домъ съ мезониномъ“. Въ Богимовѣ А. П. написалъ свою „Дуэль“.

Въ 1892 г. братъ приобрѣлъ уже свое собственное имѣніе Мелихово. Здѣсь онъ прожилъ безвыѣздно до того самаго времени, когда чахотка заставила его окончательно покончить съ Россіей, бросить все и переѣхать на постоянное жительство въ Крымъ. О Мелиховѣ и о жизни брата въ Мелиховѣ уже писалось подробно и много въ разныхъ газетахъ вскорѣ послѣ его смерти. О братѣ, какъ о человѣкѣ, напечатано въ сборникахъ „Знанія“; писалъ и М. Горькій... Было уже нѣсколько воспоминаній, посвященныхъ его памяти. Я не имѣлъ въ виду писать о немъ, какъ о человѣкѣ, Приведу еще только одну подробность и закончу.

Братъ былъ выше предрасудковъ, но одно совпаденіе удивляло всякій разъ и его и другихъ, кто бывалъ въ тѣ минуты съ нимъ. Это—звонъ. Въ какую бы пору дня или ночи братъ ни проѣзжалъ мимо церкви, — всегда раздавался на ней звонъ.

— Ну, вотъ слушай... всякій разъ обращался онъ ко мнѣ, когда мы подходили или подѣзжали къ церкви.—Сейчасъ будутъ звонить... Я—Потемкинъ!

И дѣйствительно, начинался звонъ. Былъ ли то благовѣстъ или ударяли часы, а то просто слышался изъ открытаго окна алтаря бой часовъ,—но звонъ все-таки раздавался. Конечно, это было совпаденіе. Мы смѣялись.

— Я — Потемкинъ! почему-то говорилъ при этомъ братъ.

О звонѣ знаетъ и А. С. Суворинъ.

